

Глава 55. Тайная коробка

— Я живу на Северной Четвёртой кольцевой! Если бы знал, что мы так близко, давно бы связался! — Цянь Ай, потягивая чай, заваренный Куан Цзиньсинем, осматривал гостиную Сюй Вана и, параллельно обсуждая с У Шэном тему «старых друзей, которые давно должны были встретиться», выражал свои восторги, наслаждаясь моментом.

У Шэн не разделял его беззаботности.

С момента, как он купил билеты на самолёт, до возвращения в Пекин днём, и до того, как Сюй Ван, едва переступив порог, заперся в спальне, его сердце не знало покоя. В голове роились мысли: бесконечные циклы, стирание памяти, многомерные пространства, параллельные миры, червоточины, прыжки во времени, блуждание сознания, миражи перерождения... Из этого могла бы получиться целая книга — «Тысяча и одна теория Сюй Вана о "Сове"».

Увидев, что У Шэн задумчиво смотрит на закрытую дверь спальни и явно не настроен на разговоры, Цянь Ай обиженно замолчал, покорно потягивая чай.

Он не был настолько беспечным. То, что Сюй Ван когда-то попал в «Сову» — нечто настолько невероятное, что могло повлиять на их дальнейшие судьбы, — беспокоило и его, ему тоже не терпелось узнать подробности.

Но с момента возвращения Сюй Ван заперся в спальне, и как бы они ни торопились, оставалось только ждать.

А ожидание — самое тяжёлое испытание. Если не отвлекаться на разговоры, каждая секунда будет тянуться вечностью.

— Раньше я проходил практику в чайной неподалёку. — Куан Цзиньсинь, видя, как одиноко выглядит Цянь Ай, взял на себя роль его «собеседника». — Но общежитие было ближе к офису брата Шэна, буквально в соседнем здании. Поэтому, как только мы попали в «Сову», сразу встретились.

Наконец-то найдя того, кто готов его слушать, Цянь Ай тут же отставил чашку:

— Встретились, да толку? — Он глубокомысленно вздохнул. — В первый день все в шоке.

— Нет. — Куан Цзиньсинь решительно покачал головой. — У Шэн был очень спокоен. Он

сказал мне не паниковать, что это может быть сон или воздействие загадочного магнитного поля, переносящего наше сознание в иное пространство, и что сначала нужно собрать информацию.

Цянь Ай с трудом сглотнул, посмотрел на спину ихнего стратега, затем обратно на Куан Цзиньсиня:

— И что дальше?

— Потом мы начали изучать узор совы, — продолжил Куан Цзиньсинь. — Открыли список участников, увидели, что в команде ещё двое, и брат Шэн очень обрадовался.

— ...Ты что, не пытался сразу сбежать?! — Цянь Ай не выдержал, ему хотелось привязать к Куан Цзиньсиню сигнализацию. — Какой нормальный человек, попав в такое, первым делом начинает рассуждать о снах и сознании?!

— Брат Шэн сказал, что паника не решит проблему. — Куан Цзиньсинь до сих пор помнил, как в тот момент в глазах У Шэна горел холодный свет разума, и всё сверхъестественное вдруг стало неважным.

Цянь Ай: «...»

С тяжёлым вздохом он развернул Куан Цзиньсиня лицом к себе и строго сказал:

— Страх — это естественно. Если человек всегда сохраняет ледяное спокойствие, это либо гений разума, либо социопат. Поэтому, ради безопасности, в следующий раз сначала беги, держи дистанцию и только потом разбирайся, понял?

Куан Цзиньсинь нахмурился, с трудом переваривая информацию.

Цянь Ай, видя это, решил привести наглядный пример:

— Чи Инсюэ.

— А? — Куан Цзиньсинь удивился, не ожидая такого поворота.

— Мы встречали его дважды. — продолжил Цянь Ай. — Первый раз корабль перевернулся, во второй - сорвался с «Колеса обозрения». Оба раза он был на грани смерти. Ты видел, чтобы он боялся?

Куан Цзиньсинь медленно покачал головой.

В «Бескрайнем море», падая с мачты, Чи Инсюэ ещё и помахал им в подозрную трубу. А в этот раз, на «Колесе», он и сам говорил, что Чи Инсюэ был спокоен. Это было больше похоже на самоубийство, чем на «возвращение домой».

— Поэтому такие люди, которые не знают страха, — самые опасные. — Цянь Ай, сам не зная почему, упорно вдавливал Куан Цзиньсиню основы безопасности. — В следующий раз, если встретишь такого, держись подальше. Если только он не похож на У Шэна — с первого взгляда видно, что он светится интеллектом и может сдать любой экзамен. Понял?

Куан Цзиньсинь: «...»

Цянь Ай:

— Вопросы есть?

Куан Цзиньсинь:

— А почему он хотел убить себя?

Цянь Ай:

— Пример нужен для наглядности, а не чтобы разжечь твоё любопытство...

Куан Цзиньсинь:

— Но мне правда интересно!

Цянь Ай:

— Любопытство — это дьявол.

Куан Цзиньсинь:

— А разве «дьявол — не импульсивность»?..

Цянь Ай:

— Два дьявола за одной дверью.

Куан Цзиньсинь: «...»

.....

Пятнадцать минут назад. Спальня.

Сюй Ван, войдя, плотно закрыл за собой дверь. Доказательства, конечно, нужно было показать команде, но место, где они хранились, содержало слишком много личной информации.

Убедившись, что дверь заперта, он открыл шкаф, порылся в глубине и достал коробку.

Жестяная прямоугольная коробка из-под печенья, размером с лист А4 и толщиной сантиметров десять, с яркой крышкой с витиеватыми английскими буквами, похожими на прыгающие ноты.

Сюй Ван осторожно открыл её, будто внутри хранилось самое дорогое сокровище.

Конечно, сокровищ там не было.

Но и печенья тоже — судя по сроку годности на коробке, оно бы уже десять лет как было бы просрочено.

Внутри лежали книга, несколько писем и брелок.

Книга — английское издание «Уолдена*», подарок У Шэна на выпускной. За три года их общения это был единственный подарок.

* «Уолден, или Жизнь в лесу» (англ. *Walden; or, Life in the Woods*) — главная книга американского поэта и мыслителя Генри Дэвида Торо. Текст представляет собой описание простой жизни в естественной среде и размышления об этом. Работа является частью личной декларации независимости, социального эксперимента, путешествия духовных открытий, сатиры и — в некоторой степени — руководства по уверенности в себе.

Уолден подробно описывает опыт Торо в течение двух лет, двух месяцев и двух дней в хижине, которую он построил возле Уолденского пруда среди леса, принадлежащего его другу и наставнику Ральфу Уолдо Эмерсону, недалеко от Конкорда, штат Массачусетс. Торо делает точные научные наблюдения за природой, а также метафорически и поэтически использует природные явления. Он идентифицирует многие растения и животных как по их народным, так и по научным названиям, подробно записывает цвет и прозрачность различных водоемов, точно датирует и описывает замерзание и оттаивание пруда, а также рассказывает о своих экспериментах по измерению глубины и формы дна якобы «бездонного» Уолденского пруда.

На титульном листе была дарственная надпись:

«Надеюсь, ты дочитаешь эту книгу».

Всё. Ни слова больше. Каждый раз, открывая её ночью, Сюй Вану хотелось выковырять эти иероглифы, вернуться в прошлое и швырнуть их У Шэну в лицо.

Но машины времени не существовало.

А даже если бы и была — он бы не смог.

Писем было пять, все — из времён, когда У Шэн только уехал за границу. Уже наступила эпоха технологий, сообщения можно было отправлять хоть на другой конец света, но У Шэн сначала спросил его адрес в интернете, а потом отправил письмо международной почтой. Совершенно непостижимо.

Ладно, признаться честно, когда письмо пришло, он... ну, может быть... кхм-кхм... прыгал по комнате от радости, чуть не напугав соседей по общежитию.

Но в письме У Шэн всего лишь вежливо поинтересовался, как у него дела, не оставив ни капли пространства для фантазий. Пришлось ответить в том же духе — «письмо от друга другу».

Так они обменялись пятью письмами, и когда Сюй Ван уже свыкся с мыслью, что «белый лунный свет» превратился в «переписку», У Шэн перестал отвечать.

Сначала он думал, что письмо потерялось, даже написал У Шэну в сети, но тот не ответил. Со временем эта версия стала несостоятельной: если бы У Шэн ждал ответа, то, не получив его, наверняка бы спросил.

Вывод был один — У Шэн не хотел с ним общаться.

Сначала дать надежду, а потом оборвать все связи — это куда больнее, чем просто исчезнуть после выпускного.

Лёгкое жжение в глазах заставило Сюй Вана вздрогнуть. Он резко вернулся в реальность.

Он уже давно перешёл от «новичка» к «мастеру» и мог спокойно улыбнуться после поцелуя и держать ситуацию под контролем. Что это вдруг за ностальгия по юности?!

Он щипнул себя за щёку и строго сказал:

— Тебе двадцать девять, а не девятнадцать. Юность давно прошла, возьми себя в руки!

После самобичевания настроение улучшилось. Но, опустив взгляд, он снова увидел брелок в щели коробки.

Брелок в виде трёхцветного котёнка. Маленький, с белой мордочкой, чёрно-рыжим чубчиком, свернувшийся клубочком, словно пончик.

Все эти годы он думал, что брелок принадлежал У Шэну. Тогда, до выпуска, он ещё не знал, что вскоре получит в подарок ненавистную английскую книгу, что в университете они ещё обменяются письмами. Поэтому оставил его себе.

Три года, проведённые в мыслях об одном человеке, — он не хотел, чтобы это исчезло, как рябь на воде после ветра.

А теперь выяснилось, что «рябь», которую он хранил десять лет, была вызвана не тем самым «периковым ветром» У Шэна, а каким-то другим, дьявольским сквозняком.

Котёнок на брелке всё так же спал, но Сюй Ван был уверен, если бы он открыл глаза, они были бы разного цвета — голубой, как небо или океан, и зелёный, как нефрит или лес...

.....

Десять лет назад.

Утреннее солнце проникало через окна, освещая портреты учёных на стенах школьного коридора и юные лица в классе.

3-7 класс был техническим, с живым нравом и стабильной успеваемостью, что в целом радовало учителей.

Сейчас здесь царил «оживлённая» атмосфера утренней самоподготовки.

Кто-то решал задачи, кто-то учил слова, кто-то обсуждал с соседом решение. Ну а кто-то, пользуясь отсутствием учителя, распространял свежие сплетни:

— Сюй Ван сегодня вернётся?

— Сам слышал. Когда я носил задания в учительскую, Лао Чжан как раз звонил его отцу.

— Лао Чжан совсем охренел!

— Эх, результаты ЕГЭ важнее всего.

— Мать умерла — какая уж тут учёба...

— Ну, я так понял из разговора, это отец хочет, чтобы Сюй Ван вернулся. Лао Чжан даже уговаривал, мол, ребёнок переживает, всё равно не сможет сосредоточиться, пусть лучше дома отдохнёт...

— Псс!

— М?

— Что?

— В чём дело?

— Я тебе расскажу кое-что, только никому.

— Давай уже.

— Его родители давно в разводе.

— Серьёзно?

— Мы с ним в одной школе учились, всем было известно, что отец женился на любовнице, и бросил его с матерью... Эй, что за...?

Парень, распространявший слухи, схватился за затылок и обернулся, встретившись взглядом со старостой.

— Подними мой ластик. — сказал У Шэн с невинным видом.

— С какой это силой ты его кидал, что он так улетел? — удивился парень.

— Я и не кидал. — честно признался староста. — А целился.

Парень даже забыл разозлиться:

— Зачем?

У Шэн промолчал, лишь бросил взгляд на камеру наблюдения в углу класса.

Такая камера была в каждом классе — для «наблюдения», вернее, контроля за учебной атмосферой.

И сегодня, несмотря на ранний час, камера уже работала — красный огонёк горел, а объектив поворачивался. Видимо, в честь великого события — 50 дней до ЕГЭ.

Парень кивнул старосте с намёком «спасибо за предупреждение», нагнулся, испачкал руки в пыли, поднял ластик и вернул его образцовому старосте.

В классе снова воцарилась тишина.

У Шэн вернулся к задачам, но едва сделал пару штрихов — грифель сломался.

Он выдвинул новый, и продолжил, но не успел он дописать формулу, как тот снова сломался.

Автоматический карандаш, казалось, чувствовал рассеянность хозяина и протестовал.

У Шэн думал, что Сюй Ван появится не раньше завтра.

Но на первом уроке после обеда, как только прозвенел звонок, и учитель вошёл в переднюю дверь, Сюй Ван зашёл через заднюю.

Учитель сделал вид, что не заметил. Одноклассники уставились на него, а он просто спокойно сел на своё место.

Они сидели в последнем ряду, разделённые только проходом. У Шэн пристально смотрел на него, не понимая, какое выражение лица хочет увидеть.

Но Сюй Ван, устроившись, повернулся и, как ни в чём не бывало, улыбнулся своей обычной бесшабашной улыбкой.

— Соскучился? — беззвучно спросил он, сверкая глазами с намёком.

<http://bllate.org/book/14521/1286062>